

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
(НИУ ВШЭ)

Аналитическая записка по семинару

«Социальные аспекты арктических проектов: коренные народы и
устойчивое развитие»

по работе в рамках научно-учебной группы

*БРИКС+ как площадка для сотрудничества в Арктике: проблемы,
перспективы и сценарии развития /*

*BRICS+ as a Platform for Cooperation in the Arctic: Challenges, Prospects,
and Development Scenarios*

Докладчики: **Агафонов Д.И., Ардзинба К. Г., Костадинова Д. Ч.**

Руководитель группы:

Стрельникова Ирина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент Департамента Зарубежного
Регионоведения, Факультет Мировой Экономики и Мировой Политики

Коренные малочисленные народы Севера длительное время являются составной частью структуры международного управления Арктическим регионом. Институционализации транснационального сотрудничества в Арктике во многом способствует именно формирующийся запрос на увеличение взаимопонимания и кооперации между организациями КМНС.

Проблематике участия КМНС в арктических международных институтах уделяется обширное внимание на страницах научных исследовательских работ. В отличие от других социальных наук, классификация КМНС, определение этой категории в международно-политических исследованиях затруднено, или же отличается специфическими особенностями. Говоря об этих особенностях, необходимо понимать, что выводимая в подобных случаях аналитическая категория никоим образом не противоречит устоявшемуся конвенциональному определению КМНС, однако исследователь, руководствующийся при этом определенной теоретико-методологической рамкой, стремится «встроить» свое представление о КМНС в конкретную и устоявшуюся систему суждений о природе международных отношений. Именно по этой причине возникают различия в вопросах о том, как и каким образом необходимо представлять КМНС в региональной политике.

Следует выделить три наиболее общих подхода, демонстрирующих эту разницу. Первый в наибольшей степени связан с общепринятым «географическо-хозяйственным» определением КМНС. В этом случае КМНС представляются как самобытные группы населения, которым характерны уникальные культура и образ жизни, преимущественно связанные с их природным окружением. Второй подход более связан с конструктивистским поворотом в теории международных отношений и представляет КМНС в качестве групп населения, отличающихся особой идентичностью, проистекающей из истории политического развития арктических государств и

окружающих их экологических систем. Третий подход принято связывать с критической теорией международных отношений, когда КМНС рассматриваются как недоминирующие социальные группы, происходящие от социальных общностей, населявших определенные районы до присоединения, колонизации или установления нынешних государственных границ.

Что касается истории развития политического представительства КМНС в Арктике, следует выделить четыре ключевых момента в хронологическом порядке. В 1973 г. состоялась Первая Конференция арктических народов, наиболее важным результатом которой стало начало установления транснационального диалога и формализация общих для всех народов Севера проблем, требующих совместного решения, а, следовательно, и углубления кооперации. В 1991 г. была принята Стратегия по защите окружающей среды Арктики, в которой организации КМНС получили особый статус постоянных участников. Их опыт, знания и культура были признаны одним из наиболее важных компонентов для защиты экологической среды в Арктике. В 1994 г. был создан Секретариат коренных народов, необходимый для консолидации КМНС, организации их постоянного взаимодействия и усиления общей позиции в Арктике. Наконец, в 1996 г. был создан Арктический совет, формально закрепивший за организациями КМНС участие в управлении Арктическим регионом.

Следует отметить два принципиально важных момента. Во-первых, несмотря на высокий и беспрецедентный статус участия организаций КМНС в Арктическом регионе, отмечается, что после второй половины 2000-х гг. возрастает роль традиционных военных угроз безопасности, происходит усиление суверенного государства в структуре управления. Иными словами, общие транснациональные проблемы арктических государств вновь начинают замещаться взаимным недоверием и милитаризацией. Во-вторых, зачастую при изучении опыта взаимодействия КМНС в Арктике игнорируется международный опыт и история проблематики малочисленных народов. Так, с

1968 г., когда была создана Международная рабочая группа по делам коренных народов, вплоть до 1994 г., когда Рабочей группой ООН по коренным народам был подготовлен драфт Декларации ООН о правах коренных народов, происходит все большая актуализация запроса на защиту прав, культуры, жизни и быта малочисленных народов планеты. Действительно, опыт КМНС в Арктике отличается уже описанными выше особенностями, однако все-таки является частью общих глобальных процессов. Учитывая этот факт, проблематика малочисленных народов, удаленных и находящихся под угрозой климатических изменений территорий, уязвимых социальных групп в наиболее общем смысле – все это представляет собой перспективную проблематику для развития международного сотрудничества не только в рамках Арктики, но еще и среди государств БРИКС.

В условиях формирования новой архитектуры международных отношений Арктика всё чаще рассматривается не только как пространство стратегической конкуренции, но и как регион, в котором взаимодействие государств с коренными малочисленными народами Севера приобретает особое значение. Именно КМНС оказываются связующим звеном между экологической повесткой, устойчивым развитием и гуманитарным измерением международной политики, и поэтому вопрос о перспективах сотрудничества в этой сфере неизбежно выходит за пределы арктического региона, включая в себя более широкий контекст БРИКС.

Для стран объединения особый интерес представляет возможность интегрировать собственный исторический опыт взаимодействия с коренными народами — от народов Амазонии в Бразилии до адиваси в Индии и койсан в Южной Африке — в общее понимание роли КМНС в международных процессах. Несмотря на значительные различия между Арктикой и другими регионами, именно практика включения локальных сообществ в систему природопользования, экологического регулирования и культурной политики

создаёт основу для выработки единых гуманитарных подходов в рамках БРИКС.

Учитывая растущую вовлечённость государств БРИКС в арктическую научную и экологическую повестку, особого внимания заслуживают те инициативы, которые могут стать опорными точками для развития будущего сотрудничества. Научная программа Third Pole Environment, направленная на изучение Гималайского региона, постепенно формирует основу для концепции Arctic–Himalaya Cooperation — предлагаемого формата взаимодействия, сопоставляющего экологические вызовы двух ключевых природных систем. В Арктике эта логика уже находит свое проявление в таких площадках, как форум «Арктика — территория диалога», где обсуждаются вопросы участия КМНС в управлении экологическими и социальными процессами.

Другим значимым направлением становится образовательная и научная кооперация. Сеть UArctic, объединяющая университеты России, Китая и Индии, способна трансформироваться в формат BRICS Arctic Academic Network, в рамках которого возможно формирование программ для молодых представителей коренных народов и исследователей, занимающихся тематикой устойчивости. Стремление к созданию подобного академического пространства отражает потребность в институционализации участия КМНС, что соответствует глобальной тенденции включения коренных народов в международные процессы управления.

Особое внимание привлекает инициатива Arctic–Amazon Indigenous Climate Dialogue, запущенная BRICS Youth Energy Agency в 2025 году. Этот диалог впервые соединил представителей коренных народов Арктики и Амазонии — регионов, которые играют центральную роль в сохранении глобальной климатической стабильности. Обмен практиками природопользования, адаптации к климатическим изменениям и защиты биоразнообразия показывает, что БРИКС начинает выстраивать собственную «южно-северную» гуманитарную ось, основанную на солидарности уязвимых

сообществ. Это создаёт предпосылки для расширения сотрудничества в области традиционных знаний, а также формирования новых инструментов культурной дипломатии.

Развитие подобного взаимодействия требует соблюдения ряда базовых принципов, среди которых особое место занимают экологическая справедливость, признание традиционных знаний, поддержка культурной автономии и обеспечение участия КМНС в принятии решений. Следует учитывать, что в условиях частичной ассимиляции и урбанизации представители коренных народов не всегда выделяют себя из общего населения, что делает неэффективным формальный этнический подход. Более продуктивным представляется опора на принцип территориальной и культурной укоренённости, позволяющий вовлекать сообщества на основе их реальной связи с природной средой и традиционными практиками.

Оценка эффективности участия КМНС также должна выходить за рамки экономических категорий. Ключевыми индикаторами становятся уровень включенности в процессы управления, сохранение языков и культурных традиций, развитие местных институтов самоуправления, а также интеграция традиционных экологических знаний в научную и образовательную деятельность. Международный опыт, включая участие организаций КМНС в Арктическом совете и реализацию проекта EALLU, подтверждает, что устойчивость инициатив напрямую зависит от того, насколько полно коренные народы включены в процесс принятия решений.

Таким образом, перспективы взаимодействия между странами БРИКС и коренными народами Арктики связаны с возможностью формирования новой модели международного сотрудничества, объединяющей научные, экологические и культурные подходы. Эта модель предполагает не символическое, а содержательное участие КМНС, обеспечивающее долгосрочную устойчивость принимаемых решений.